

Александр Кормашов

Случайный
ни к чему
не обязывающий
секс

Александр Кормашов

**Случайный ни к чему
не обязывающий секс**

«Издательские решения»

Кормашов А.

Случайный ни к чему не обязывающий секс / А. Кормашов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743840-1

В твоём доме взорвался газ. Ты забыла ключи от маминой квартиры. Друг на тебя в обиде, а подруга слишком занята новым мужем. И что остаётся делать? Сидеть ночью в машине и плакать.

ISBN 978-5-44-743840-1

© Кормашов А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Случайный ни к чему не обязывающий секс

Александр Кормашов

© Александр Кормашов, 2017

ISBN 978-5-4474-3840-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

В последний момент она вспомнила, что забыла утренний крем. Уже полностью одетая, в сапогах, пальто и со шляпкой на голове, она снова бросилась в ванную и принялась выкидывать из шкафчика то, что не успело вывалиться при взрыве: в соседнем подъезде взорвался газ. Беспорядок в ванной увеличился ненамного.

– Вадим! Вадик! Яша! Ты не видел мой утренний крем? – кричала она в прихожую, где её Вадик, Вадяша, Яша терпеливо стоял в дверях и всем своим видом показывал двум милиционерам, что история может затянуться. По лестнице поднимались (лифт уже отключили) пожарный в брезентовой робе и толстая женщина из ДЭЗа, в распахнутом пальто и расстёгнутой на груди кофте. От пожарника пахло дымом, от женщины валил пар, но у тётки ещё доставало сил, чтобы сразу начать кричать.

Внутри себя кричала и она тоже, но она хотя бы понимала, что это психоз. Понимала, а всё равно продолжала метаться по квартире и перепрыгивать через валяющиеся на полу вещи. Она отчетливо сходила с ума, но всё же здоровой частью сознания успевала удостовериться, что окна закрыты, газ отключён, вода отключена тоже, а паспорт и документы у Яши в дорожной сумке. Там же вместе с ноутбуком должны были уместиться туфли, потом ещё одни туфли, зубная паста, щётка и ещё две кучи вещей, которые невозможно было затолкать, однако же затолкались.

– Ива! Вета! Иветта! – в который раз доносилось из прихожей. На первом слове в голосе Яши звучало дружелюбное порицание. Как друг он имел священное право называть её просто Ивой. На втором слове уровень категоричности падал. Ветой её называла мама. А третьим словом Яша словно объяснял посторонним, что её так зовут по паспорту, чем окончательно впускал незнакомых людей в их личную жизнь. В другое время она наверняка бы решила обидеться. Не сейчас.

Оглянувшись в последний раз, она вылетела из квартиры, запнулась за сумку и чуть было не упала, нелепо выставив перед собой руки. Перед ней расступились, а потом смотрели уже с любопытством. Всё потому, что никакая женщина в шляпке, как и любая другая женщина, достойная носить шляпку, никогда не откажет себе в удовольствии тут же развернуться и со всей силы пнуть эту проклятую сумку, мешавшую ей пройти. Чтоб знала. И чтоб знали все.

Не дожидаясь, когда Яша разберётся с ключами-замками, а властные лица опечатают дверь, она застучала каблучками по лестнице.

Перед подъездом уже было голо, милицейское оцепление отодвинуло людей за детскую площадку и теснило всё дальше. Возле соседнего подъезда по-прежнему стояла пожарная машина с выдвижной лестницей. На самом её верху, в хлипкой люльке, продолжали что-то делать пожарники. Панель стены на шестом этаже взрывом выдавило наружу, и она угрожающе провисла с одного бока, словно в доме открылась большая форточка, и теперь все, кому не лень, норовят туда заглянуть.

За этот день она уже устала расспрашивать, надолго ли всех выгоняют, и раздавать визитные карточки незнакомым соседям, которые увлечённо, наперебой составляли списки пострадавших. Её квартира тоже значительно пострадала. Трещины пробежали по окнам, на кухне сорвался шкафчик и грохнулся на посудомоечную машину, а в комнате сына под тяжестью выпавших рустов провис и готов был порваться натяжной потолок. Про гостиную не хотелось и думать. Тот хаос ремонта, который ей пришлось пережить при въезде в квартиру, слишком быстро сменился её собственным беспорядком, с которым никак ещё не смогла справиться с тех пор, как переехала от мамы. С организованностью у неё всегда было плохо. На работе как-то получалось: ответственность, контроль, управление, выстраивание отношений, походы по бутикам, бассейн, фитнес, новые друзья, старые подруги – всё это требовало напряжённого,

почти судорожного внимания, а вот дома... Дома, пока с ней жил сын, это он умудрялся всё помнить или, по крайней мере, находить ключи от машины, очки, визитницу, ежедневник, серёжки, а также приносить тапки. Он шмыгал по квартире с такой пугающей скоростью, что, казалось, от этой скорости размывался. Сейчас Миша – крепкий пятнадцатилетний мужичок. Он решил, нет, они вместе с папой решили, что теперь им лучше пожить в Китае, чтобы папа показал сыну жизнь и вообще, почему действительно фунт китайского изюма.

– Вечером приедешь ко мне? – полуспросил-полупредложил Яша, когда они сели в его длинную и сопящую от важности машину. – Мама будет рада.

– Спасибо. Передай привет твоей маме, но я поеду к своей.

– Ты сказала, она уехала.

– Я вчера ещё собиралась. Надо полить цветы.

– Куда уехала твоя мама? Опять в Италию?

– Конечно. Опять в Италию. Я бы сто раз задохнулась в автобусе, а ей становится только лучше. Звонила, что, когда они ехали по горному серпантину, у неё сразу нормализовалось давление.

– Ты ей ещё не сказала? Про квартиру? Про газ, я имею в виду.

– Посмотри на меня.

– Посмотрел и нашёл любимой-единственной.

– Спасибо, Яша. Ты один мне в часы тягостных раздумий...

– Да ладно, надежда и опора к вашим услугам. Куда тебя, на работу?

– Ну да.

– А то, может, сядем где-нибудь посидим? Выпьешь, немного успокоишься.

– Отвези меня на работу. Всё равно машину надо забрать. Когда они позвонили, я выскочила такая чумная, что не могла вспомнить, где оставила машину.

– У вас большая стоянка.

– Бегала-бегала и никак не могла найти. Спасибо, мальчик из технического отдела, он только что приехал, отвёз.

– Это который Лавруся?

– Который Гриша, если тебе интересно. А тот был Лаврик. Можешь успокоиться, он уволился и вообще вышел из учредителей. Не надо выдумать, чего нет.

– А что я выдумаю? Ну, Лаврик так Лаврик. Ты его тоже мальчиком называла.

– И что?

– Так Лаврик звонит?

– Лаврик не звонит. Нет, Яша, он не звонит. Мы держим связь через шпионский контейнер в мусорном баке. Я одеваюсь бомжихой и собираю банки из-под пива. На которой написано «бомба», там лежит инструкция о нашем следующем контакте. Видишь, я раскололась.

– Значит, звонит.

– Яша, нельзя быть таким. Ты хочешь, чтобы я тебе соврала? Да, звонит. Но не в дверь.

– А дверь он вышибает ногой?

– Яша, Лаврик не станет вышибать дверь ногой. У меня сейчас вообще нет двери. Ничего нет. У меня вообще нет дома. Яша, ау! Мой дом взорвали! Ты слышишь?

– Туда ему и дорога.

– Спасибо.

– Угу.

– Какой же ты всё же бесчеловечный!

– Естественно. Ты позвонила, я тут же бесчеловечно приехал.

– Спасибо.

– Спасибо хоть за спасибо. Хотя в наши дни спасибо...

– Ну да. Ну как же без этого? В наши дни-то. Чего замолчал? Продолжай! За спасибо, конечно, ты из своего МИДа не вылезешь. А как честный таксист денег с девушки не возьмешь. Хорошо. В следующий раз я расплачусь золотом. Если ты ещё помнишь, что молчание золото.

– Ива!

– Я уже замолчала.

Он остановился поближе к шлагбауму и донес сумку до её машины. Маленькая красная «японка» с удивлёнными фарами на этот раз нашлась сразу. Он подождал, пока она разгребёт-раскидает в багажнике слежавшиеся, как прошлогодние листья, журналы, смятые подарочные пакеты, сплюснутые туфли и прочий мусор, а потом предложит ему аккуратно поставить сумку внутрь. Захлопнув багажник, она подставила ему щёку. Выглянувшее апрельское солнце напрасно ласкало кожу целых две секунды.

– Ну ладно, спасибо, – примирительно сказала она, одёрнув на нём пальто и поправив почти безупречный галстук. «Почти» теперь стало в другую сторону. Галстук опять был самый её нелюбимый, цвета мокрой Кремлёвской стены. Нет, разумеется, если бы он предполагал, что сегодня с ней встретится, он бы такой не надел. Ничего. Пусть видит, что я вижу. Лишний раз подумает.

Напоследок она поцеловала его сама.

– Ладно. Приезжай к моей маме ты. Будем поливать цветы вместе. Но учти, я буду измученной, как собака. – И видя, что он по-прежнему злится, добавила: – Ну посмотрим, посмотрим. Может, и не как. Я побежала.

Устало добравшись от лифта до дверей своей редакции, она приложила сумку с захороненным внутри пропуском к считывающему устройству и только тут вспомнила, что ключи от маминой квартиры, разумеется, оставила дома.

Милый друг, я сегодня ночью в машине...

2

Вечером она снова сидела в машине, и неведь откуда прибившаяся мелодия донимала её своей грустью. Ей уже начинало вериться, что эта фраза жила в её голове всегда, по крайней мере с утра, и была одной из тех навязчивых строчек, что, услышанные по радио, западают в тебя на весь день. Она бы не поклялась, что ещё до взрыва газа в её голове ничего подобного не звучало.

Милый друг, я сегодня ночью-у-ю в машине...

Где-то внутри себя, потерянно и романсово, она вытягивала «ночу-у-ю», поднимая вверх голову и роняя её на «в машине». Ей казалось, что она совершенно пьяна, настолько уже устала. Двигатель был выключен, стёкла затуманивались от дыхания, мелкий снег присыпал машину, оставляя на капоте тёмное мокрое пятно в белой кружевной оторочке. Невольно ей хотелось продолжить, и она удивлялась, как легко у неё это получалось:

*Стынет пар нас стекле,
и на дворниках копится лёд...*

Дворники были тоже покрыты ледяной слизью.

*В этой засухе слёз,
в этой правды и лжи мешанине
Я от вас ухожу, как уходит в ночи пароход.
И вот я проститутка, я фея из бара... —*

«Боже, мотив-то совсем другой!»

Когда-то, ещё студенткой, она мечтала о славе главной московской бардессы. Принялась махрово курить, перестала краситься, сделала стрижку «под Освенцим», кусачками отмахнула горячо любимые ногти, в три урока освоила игру на гитаре и научилась петь низким голосом, натруждая грудной резонатор. С текстами поначалу получалось сложнее, но она очень скоро оценила первое правило акына «что вижу, то и пою» и смело добавляла в распев любые чужие строчки, которые всегда ей вовремя вспоминались.

В то время ей писалось легко. Может, не так легко это слушалось другими, но ей было наплевать. Прозрение наступило на Грушинском фестивале, когда она внезапно увидела себя настолько одной из многих, что в первую же ночь страшно напилась, устроила скандал и бросила гитару в костёр. От гитары не догорел только гриф. С ним, обвитым всклокоченными струнами на колках, нянчась с ним как с больной куклой, она едва не утопилась в реке. Девочка из МАРХИ, историк архитектуры, изящная гуманитарная статуэтка для ещё не воссозданных интерьеров барокко и рококо, она так и не оправилась от столкновения с диким племенем бардов. Стихи всё-таки иногда продолжала писать, но это был уже её личный способ поплакать.

В этой засухе слёз...

Сегодня она ревела уже два раза и знала, что если примется в третий, то просидит в машине ещё целый час. А то и останется навсегда. Даже когда её бросил сын, даже тогда ей так сильно не плакалось. Тогда она себя больше почувствовала голым удивлённым столбом. Стволом дерева, от которого отрубили все ветки. А сегодняшним взрывом словно всю выдер-

нули с корнем. Безо всякой нужды и без всякого повода. И зачем это было нужно? Кому это нужно? Никому. Никому она не теперь нужна. И слёзы её никому не нужны. И оттого, что даже слёзы никому не нужны, в глазах у неё опять защипало. Она глубоко задышала и начала думать о работе.

Из подземного перехода, увенчанного розовой буквой «М», кучно выходили припозднившиеся люди и выстраивались в очереди к последним маршруткам. Ей казалось, что все они смотрят на неё, в её сторону, хотя если и смотрели, то на белую красивую «волгу», стоящую перед ней, к которым время от времени кто-то подходил, открывал дверцу и, видимо, не договорившись, раздражённо захлопывал. А может, шофёр вовсе и не занимался извозом. Просто кого-то ждал. Жену, например, которая должна вот-вот выйти из метра или позднего ребёнка. Но ей казалось, что все эти люди упорно глядят мимо «волги» прямо на неё; так и фотографируют взглядами, а не подходят только потому, что даже сквозь стекло видят, какие у неё красные заплаканные глаза.

Самое ужасное то, что сегодня вечер пятницы. Она нарочно задержалась на работе подольше – насколько это было прилично для вечера пятницы. Весь остаток дня она старательно думала, как сказать Вадяше, что забыла ключи от маминой квартиры. Ничего не надумала, решила просто позвонить, чтобы извиниться, а в итоге лишь накричала. Яша был уверен, что она снова юлит и выкручивается. Теперь с ним опять надолго испортились отношения. Наверное, до следующего попадания в аварию. Если раньше опять не взорвётся дом. Вадик, разумеется, будет ждать. Он будет ждать. Как ждёт уже лет двенадцать. Тогда она отказалась ехать с ним за границу. Как? Женой атташе по культуре? Вот если бы ты ехал советником! Правда, когда он уже мог поехать советником, она была замужем. Муж тоже почему-то считал её вздорной. Зачем ей второе образование, когда так вовремя пригодился её первый диплом – по истории русских дворцовых интерьеров. Ведь эти дворцы под Москвой уже росли гораздо быстрее, чем когда-то садовые домики на шести сотках. Нет, только ради сына, чтобы не переживать его воспитание бабушке, она отказалась от бешеной по деньгам, но сумасшедшей на практике работы дизайнера и согласилась возглавить интерьерный журнал. Искала себе тихой гавани и ровных спокойных денег.

И вот я проститутка...

«Боже, откуда этот мотив!»

Два раза звонила мама. Говорила, что она сейчас в Бари, на родине Николая Угодника («На какой родине, мама?») и только что поклонялась его мощам, а вот прямо сейчас стоит возле православной церкви и смотрит на его памятник. У Николая в одной руке поднятый меч, похожий на скипетр, а другой – такой маленький русский храм. Ей сказали, что это Никола Можайский из Третьяковки, но она прослушала, кто автор скульптуры. Просила посмотреть в интернете, а потом ей перезвонить, потому что все говорят, что это просто маленький Церетели. Как там мои цветы? Веточка, очень тебя прошу, опрыскивай фаленопсис и не перезаливай фуксию! Лучше тоже понемногу опрыскивай. Ну, целую! У тебя всё нормально? Приеду, всё расскажу. Всё, бежим на автобус. Здесь так жарко...

Потом она снова позвонила, сообщив, что не может быть, чтобы это был Церетели, потому что слишком маленький. И ещё просила положить денег на телефон, боится, что её отключат и она не сможет напомнить, что приедет во вторник в девять. Но она ещё перезвонит и напомнит. Учти, что вода в поддоне под фиалкой не должна застаиваться, а если поедешь на дачу... а ты съезди, пожалуйста, там уже тепло!... откопай, пожалуйста, розы. Ключи, как всегда, у соседки Тамары Валентиновны, я ей звонила, она там уже неделю, у неё родился внук, назвали Кириусиком, в честь прадеда Кира, посла в Корею. Ну, крепко-крепко целую, хорошо

высыпайся, а то мы из-за этих автобусов плохо спим, потому что в автобусе хорошо высыпемся.

Звонила не только мама. Коммерческий директор прорезался из какого-то ресторана и просил зарезервировать рекламную полосу под встроенный пылесос – вернулся старый рекламодатель. А Сима, её выпускающий редактор, высокая амбициозная дама с высшим полиграфическим образованием и выправленной осанкой, звонила из-за такой сущей ерунды, что и ребенку стало понятно – опять напоминает про колонку главного редактора. Колонка главного редактора – это раз в месяц быть проклятой и убитой. Двенадцать колонок в год. Двенадцать прикладываний головой об стол. На столе уже выбоина. Почему другие пишут такую ерунду километрами, а ей непременно нужно найти идею? Какие могут быть идеи в конце апреля? «Мойте рамы, и пусть надоевший вид вашей спальни пробудит в вас желание выброситься из окна». «Выбирая лёгкие летние занавески, нужно помнить, что их лёгкая воздушная ткань, в отличие от тяжёлых и плотных зимних штор, будет только способствовать безопасному прохождению взрывной волны за пределы вашего обновлённого интерьера». Газпром, дай денег!

Полиграфистка Сима давно уже порывалась предложить свои собственные тексты и мечтала когда-нибудь это право получить. Ну-ну. У каждого своего мечта. Мечта пионера повязать галстук Ленину. С другой стороны, и технический отдел перед сдачей номера тоже не обязан уходить в аврал на всю ночь. Как бы это ни возбуждало Симу. И она представила, как Сима с выправленной фигурой подсаживается то к одному, то к другому верстальщику, принимает журнальные полосы, делает выносы на обложку, но чаще всего над кем-то просто стоит, склоняясь к самому монитору, и все видят, что какой сутулой была, такой и осталась. Конечно, и сами компьютерщики ещё делают всё, чтобы каждая женщина, заходя на их территорию, вся невольно ссутуливалась и смотрела в пол. То повесят на самом видном месте большой красный «серп и молот», а под ним, мелким шрифтом, подпись, которую нельзя разобрать, если только не подойти очень близко: «За что враги родной СССР боятся? / Серпом по пенису и молотом по яйцам!» То начнут всем отделом изучать японские дни недели: getsuyobi, kayobi, suiyobi, tokiyobi и так далее, развешивая по стенам листочки на память. Это чтобы не забыть. Потому что каждая девушка в редакции зашифрована своим днём. Лучше туда не заходить.

Ещё ей звонила соседка снизу и радостно сообщила, что завтра в дом тоже никого пускать не будут. Работает комиссия. А один взрывотехник сказал... Слово «взрывотехник» соседка повторила несколько раз, каждый раз всё с более восторженной интонацией. Звучало во всяком случае эротичнее, чем сантехник. Смешная. С соседкой она подружилась после того, когда залила ей кухню.

Внезапно до ужаса захотелось есть. Она стала вспоминать, что сегодня ела, и вспомнила только зелёный чай на работе с кусочком шоколадного торта и несколькими орешками из пачки с фруктовым ассорти. Подруга, у которой она хотела переночевать, недавно нашла нового гражданского мужа и хищная, как орлица, жарила для него огромные свиные котлеты, пока тот очень долго принимал душ, а потом вдруг вышел на кухню весь распаренный и в коротком банном халате. Она убежала, соврав, что клятвенно обещала маме съездить на дачу. Нет, если она сейчас что-нибудь не съест, она кого-нибудь загрызёт!

Киоск с хот-догами ослепительно ярко светился между двумя другими – полутёмным табачным, где все стёкла были заставлены сигаретными пачками, банками и бутылками, и газетным, с опущенными ставнями. Снег прекратился. В машине становилось прохладно. Надо было заводить двигатель и включать печку. Ладно, сгодится и хот-дог.

Она вышла из машины. Времени уже было много. Маршрутки стояли в ряд, ожидая на свободные места пассажиров. До очередного выплеска из метро улица оставалась совершенно пустой. Успеет купить? А неважно. Захлопнув дверцу и на ходу нажав кнопку сигнализации, на что машина сонно заморгала глазами, она направилась к тротуару и тут обо что-то

споткнулась и чуть не упала, высокого взмахнув сумочкой и ударив ею по капоту, на что последовало новое моргание, ещё более недовольное, дескать, нормальные люди все уже давно спят.

Полная широколицая продавщица сидела на чём-то внутри киоска и при виде покупательницы не сразу, но всё-таки начала подниматься. Она поднималась тяжело, так тяжело, будто поднимала на плечах весь киоск.

– Что вам?

– Мне... – сказала она, поведив своим гладким пальчиком в перчатке по всему выбору сосисок – и толстых, и тонких, и длинных, и розовых, и бурых, и тех, что обёрнуты тонким слоем ветчины. – Вот эту. Эту. Да, эту. – Она показала на свёрнутую спиралью колбаску со следами обжарки на гриле.

– Рулле? С собой или здесь?

– С... собой.

– Девяносто рублей.

Продавщица положила две половинки квадратной булочки в духовку, саму колбаску на плиту подогреться, а потом стала неподвижно ждать деньги. Сотенная легла на тарелочку.

– Пить чего будете?

– Что?

– Пить чего будете?

– Нет. Ничего.

Продавщица положила деньги и осталась неподвижно стоять, молча глядя на неё из света в темноту. Взяв сдачу, она отступила на шаг, открыла сумочку, достала кошелёк, положила деньги в кошелёк и ещё немного порылась, чтобы удостовериться, что ключи не вылетели и телефон тоже там. Весь день звонивший, он сейчас предательски молчал. Продавщица неподвижно и неотрывно продолжала смотреть на неё, словно ей доплачивали за то, что она смотрит на покупателей.

– Вам с чем? – наконец, спросила она, когда духовка выключилась. – С кетчупом, майонезом, горчицей, с чем? Всё равно?

Продавщица положила на одну половинку хлеба горячую тугую спираль колбаски, набросала на неё с полдюжину кружков солёного огурчика, накачала из тонких краников по верёвочке майонеза и горчицы, намотала поверх красное кольцо кетчупа и накрыла всё это другой половинкой хлеба. Острым краем засунула квадратный бутерброд в такой же четырёхугольный пакетик, предварительно раскрыв его с двух сторон, затем положила в пакет побольше, завернула бумажный верх и протянула в окно. Даже через перчатку чувствовалось, какое там всё горячее.

Она развернулась и едва не выронила пакет. Сердце прыгнуло в горло. Он стоял и смотрел на неё точно так же, как только что продавщица, молча, неотрывно, в упор. Этот человек в длинном чёрном распахнутом кожаном пальто стоял от неё буквально в двух шагах, неподвижный, как статуя из графита, если только бывает столько графита куском, и этот графит блестел, освещённый холодным светом киоска. Одна рука у него была засунута в карман, в другой он держал открытую банку пива. За первую, самую длинную секунду замешательства она мгновенно успела отметить его лицо с довольно правильными чертами, но с такими чертами, которые существовали словно бы отдельно, как улыбка Чеширского кота, и не имели прямого отношения ни к пиву, ни к плащу, и ещё на высокий ворот чёрной водолазки, делавший его шею слишком тонкой для таких плеч. Вот урод, возмутилась она в следующую секунду. Вот урод! Бомжара в плаще. В ответ он, словно почувствовав незаслуженное оскорбление, перевёл свой взгляд на её бутерброд и чуть пошевелил банкой. Алкоголик! И в тот момент, когда он уже надумал что-то сказать, она сорвалась и быстро побежала к машине. Быстро шмыгнула внутрь, заблокировала двери, завела двигатель, включила печку, фары и дворники, протёрла перчаткой потное стекло, поставила рычаг селектора на букву «D», но так и не отпустила педаль тормоза.

Он стоял прямо перед машиной. Впрочем, не так чтобы прямо перед капотом, и, вывернув руль, она могла легко выехать. Он стоял скорее как памятник, как Феликс Дзержинский, человек с правильным лицом и не совсем правильной идеей в голове, потому что держал в опущенной руке не кепку, а пиво. Да и голову как-то неестественно склонял набок, будто заглядывал внутрь собачьей будки.

Секунда – и она вся вскипела. И я из-за этого придурка должна выкручивать руль, чуть не закричала она, поддавшись выплеску злости и даже чуть было не подпрыгнув на сиденье. Но оттого что всё же не закричала и всё же не подпрыгнула, вдруг резко успокоилась. А вот я никуда не поеду. Я хочу есть! И она повторно заблокировала все двери. Потом развернула пакет, достала бутерброд и жадно откусила. Боже, как вкусно! Единственное огорчение в тот момент было то, что рот у неё был маленький, а булка большая, и часть кетчупа она мгновенно почувствовала у себя на щеках, как у «человека, который смеётся». Жуя, она недовольно бросала на него взгляд. Фары хорошо освещали чёрную, тонкой выделки кожу. Явно не шинель Феликса. Если же такой стиль, то конечно. Свой нынешний она подбирала два года.

Она уже ела, не давясь, насыщаясь, но как только полностью отъела угол, во рту стала жечь горчица, а главное, было сухомятно. Она выкусывала колбаску, выцепливая языком тонкие пластинки огурчика, но всё равно жевалось всё хуже и хуже. Щёки её раздувались и ходили из стороны в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.